

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации «Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации», представленной Филипповой Олесей Сергеевной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Число корпоративных споров как объективное явление, отражаемое в официальных статистических сводках, не становится меньше, несмотря на предпринятые законодателем меры к урегулированию процедурной составляющей, а также вопреки целенаправленному и поэтапному совершенствованию законодательства о юридических лицах и совершаемых ими сделках. Одной из наиболее сложных и одновременно распространенных в практике категорий корпоративных конфликтов, поступающих на разрешение суда, являются споры о признании крупных сделок недействительными, что объясняется неоднозначностью соответствующих правовых норм, их различным пониманием специалистами в области правоприменения, трудностями одновременного системного осмысления правил о юридических лицах и их участниках, сделках и их одобрении, а также о решениях собраний как категории юридических фактов.

С учетом сказанного можно констатировать высокую степень актуальности диссертационного исследования О. С. Филипповой «Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации», содержащей ценные для цивилистической науки положения.

В первой главе (С. 19–51), посвященной возникновению и развитию института крупных сделок в российском и зарубежном законодательстве, автор рассматривает вопросы об ограничении полномочий исполнительных органов корпораций в дореволюционный, советский и современный периоды развития России, освещает императивные и диспозитивные начала регулирования крупных сделок хозяйственных обществ в современном российском законодательстве, характеризует институт крупных сделок в корпоративном законодательстве стран англо-саксонской и романо-германской правовых систем.

Представляющими ценность научными наблюдениями диссертанта следует считать установление того, что в дореволюционный период нормы об ограничении полномочий исполнительных органов корпораций («крупных сделках») получали закрепление не в законодательстве, а в уставах конкретных обществ, а также выявление «сметного» способа ведения финансов, при котором смета утверждалась на перспективу.

Следует поддержать диссертанта в его предложении об унификации положений законодательных актов, посвященных статусу акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, в части установления императивных правил о необходимости одобрения крупных сделок.

Во второй главе (С. 52–141) исследуются понятие, признаки и виды крупных сделок хозяйственных обществ.

Автор обстоятельно доказывает, что институт крупных сделок и институт сделок с заинтересованностью это разные правовые институты, они должны рассматриваться самостоятельно, отдельно друг от друга. Правильно определе-

ние, согласно которому крупной сделкой следует считать сделку или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с отчуждением или возможностью отчуждения юридическим лицом прямо или косвенно имущества, стоимость которого составляет определенную часть балансовой стоимости активов юридического лица, установленной по данным его бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату, предшествующую одобрению крупной сделки, или определенную часть уставного фонда юридического лица, или стоимость которого превышает определенную законом величину.

Заслуживает одобрения предложение о распространении на трудовой договор, особенно на правила о «золотых парашютах», норм о крупных сделках путем прямого указания на это в законодательных актах.

Представляется рациональным также предложение диссертанта об унификации законодательства о крупных сделках хозяйственных обществ путем принятия за основу исключительно балансовой стоимости активов, а не только имущества.

Обладают несомненной научной ценностью предложенные автором классификации крупных сделок: *в зависимости от положений о крупных сделках, предусмотренных уставом общества* (крупные сделки, закрепленные в уставе, дублирующем положения законов о хозяйственных обществах, и крупные сделки, заключаемые по правилам, установленным хозяйственным обществом и предусматривающим более высокий в сравнении с предложенным в законах, порог сделки); *в зависимости от необходимости одобрения* крупные сделки (требующие одобрения уполномоченным органом (общим собранием акционеров (участников), советом директоров, единственным участником) и не требующие такового одобрения); *в зависимости от возможности выявить сделки при первичном анализе* (явные крупные сделки и неявные (латентные) крупные сделки).

Необходимо согласиться с диссертантом, что к сделкам, совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности, следует относить сделки, которые соответствуют видам указанной в уставе и одновременно осуществляемой обществом экономической деятельности, за исключением кредитных, заемных и обеспечительных сделок. Прав он и в том, что признаками взаимосвязанных крупных сделок выступают: общая правовая природа сделок, один и тот же состав субъектов и ограниченный промежуток времени, в котором они были заключены.

Следует поддержать подход, в силу которого не относятся к сделкам, не требующим одобрения, и вообще не относятся к крупным сделкам, сделки с долями уставного капитала общества, если в результате совершения таких сделок имущество общества не отчуждается, а происходит лишь замена лица, которому принадлежит доля (им становится другой участник, либо само общество, в случаях, предусмотренных законом).

В третьей главе (С. 142–201) исследуется заключение крупных сделок хозяйственным обществом. Рассматриваются порядок принятия и оформления решений об одобрении крупных сделок хозяйственных обществ, недействительность крупных сделок и ее последствия, ответственность органов управле-

ния хозяйственным обществом за нарушения порядка заключения крупных сделок.

Следует согласиться с автором в общем подходе к срокам, в которые должна быть совершена сделка, если на нее дано согласие.

Обладает несомненной научной ценностью и сильной логической основой вывод, в силу которого крупную сделку, совершенную без одобрения уполномоченного органа хозяйственного общества, следует относить к сделкам с пороком воли (несоответствие воли и волеизъявления).

Является полностью обоснованным и ждущим своего практического применения (быть может, и легального закрепления) вывод диссертанта, согласно которому сложившаяся судебная практика, когда новый акционер теряет право на предъявление иска, который мог бы заявить предыдущий акционер, не соответствует ни доктрине правопреемства, ни буквальному толкованию действующих норм законодательства. Право на подачу иска является одним из прав участников общества и при передаче доли (акций) переходит к новому участнику в порядке сингулярного правопреемства.

Справедливо утверждение диссертанта, что в качестве основного способа защиты прав участников общества и самого общества следует сохранить признание крупной сделки недействительной и применение последствий недействительности такой сделки. Взыскание убытков с лиц, входящих в органы управления, также может и должно использоваться в практике с учетом реальных перспектив исполнения соответствующих решений.

Сказанное является основанием для общей положительной оценки диссертационного исследования О. С. Филипповой. Вместе с тем, могут быть высказаны некоторые замечания, а кроме того, сформулированы вопросы, ответы на которые позволят уточнить и развить предложенную научную концепцию.

1. Автором не до конца прослежены отличия между категориями «активы» и «имущество» хозяйственного общества, первая из которых является шире и дополнительно включает интеллектуальную собственность. Учет данного обстоятельства сделал бы вывод автора о необходимости унификации права – использования категории «актив баланса» – более обоснованным.

Автор отмечает, что для акционерного законодательства России характерна ориентация на «балансовую стоимость активов общества», а для законодательства об обществах с ограниченной ответственностью – на «стоимость имущества общества, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности» (С. 73), более того, вопросам соотношения понятий «имущество» и «активы» посвящен отдельный параграф диссертационного исследования (§ 2 гл. 2, С. 65–74). Представленный в нем материал является актуальным и взвешенным, а выводы о необходимости унификации терминологии – перехода на оценку актива баланса – в целом обоснованными. Однако в системе мотивации отсутствуют некоторые звенья.

То, что в состав активов в качестве так называемых «нематериальных активов» входят объекты интеллектуальной собственности, следует из объективного права. Таковыми, в частности, могут признаваться произведения науки, литературы и искусства; программы для электронных вычислительных машин;

изобретения; полезные модели; селекционные достижения; секреты производства (ноу-хау); товарные знаки и знаки обслуживания, что следует из п. 4 Положения по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14/2007), утвержденного приказом Минфина России от 27 декабря 2007 г. № 153н¹, а также из упомянутого в тексте диссертации Международного стандарта финансовой отчетности (IAS) 38 «Нематериальные активы», введенного в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 25 ноября 2011 г. № 160н².

Вместе с тем, самостоятельными категориями объектов гражданских прав согласно ст. 128 ГК РФ являются, как имущество, так и охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность). Следовательно, при оценке сделки акционерного общества на крупность с учетом буквального смысла акционерного закона должен быть принят во внимание весь актив баланса, а при оценке такой же сделки общества с ограниченной ответственности – только балансовая стоимость имущества (вещей и имущественных прав). Причины для такой дифференциации отсутствуют, хотя бы потому, что роль интеллектуальной собственности в современном обществе возрастает, а для многих хозяйствующих субъектов, специализирующихся в сфере высоких технологий, такая роль является решающей. Учитывая предпринимаемые и декларируемые Россией меры, направленные на развитие интеллектуального потенциала граждан, а также на развитие высоких технологий, введение параметра актива баланса для оценки сделок всех хозяйственных обществ являлось бы не только экономически закономерным, но и соответствовало бы системе государственных приоритетов.

2. Предложенное автором деление крупных сделок в зависимости «от правовой природы сделки (вида договора)» в действительности является типологией, базирующейся на подходе законодателя к поименованным договорным моделям в обязательственном праве.

Диссертантом в зависимости от правовой природы сделки выделяются крупные кредитные, заемные, залоговые сделки, договоры поручительства и другие. При этом автором в подстрочной сноске (С. 90) дается пояснение, что под «правовой природой» сделки в работе понимается вид договора.

Как известно, любая классификация имеет в своем основании лишь один критерий и в этом ее принципиальное отличие от типологии, которая предполагает выделение видов (типов, классов и т.д.) по нескольким критериям, прежде всего, с поправкой на практические нужды.

Выделение договорных моделей осуществлено законодателем из практических соображений с учетом множества критериев: характера действий сторон договора, объема передаваемых прав на вещь, наличия особого правового статуса у участников обязательственного отношения, возмездности, характера объекта гражданских прав, по поводу которого существуют обязательства и др. Отсюда вывод: в рассматриваемом случае автор дает не классификацию, а типологию крупных сделок, принимая за основу подход законодателя.

¹ *Российская газета*. 2008. 2 февраля.

² *Приложение* к журналу «Бухгалтерский учет». 2011. № 12.

Несмотря на сказанное, сама по себе приведенная информация точна и злободневна, а сделанные автором выводы, связанные с типологией крупных сделок, обоснованы и обладают научной новизной.

3. Вывод автора о том, что согласие на совершение сделки в совокупности с самой сделкой образуют сложный юридический состав, представляется неверным, поскольку даже при отсутствии согласия сделка порождает правовые последствия, но является оспоримой.

Диссертантом сделан вывод, согласно которому договорное правоотношение, возникающее между субъектами гражданского права в связи с заключением сделки, которая является крупной для одного из хозяйственных обществ, основывается не на юридическом факте – сделке, а на сложном юридическом составе, охватывающем одобрение сделки коллегиальным («волеобразующим») и ее заключение исполнительным органом (С. 147–148).

Такой подход представляется неточным по следующим причинам. Если предположить, что в отсутствие одного из названных фактов (одобрения), сделка была бы ничтожной, то есть не образовывала бы в силу закона правовых последствий, вывод автора был бы справедливым. Однако последствием отсутствия согласия (одобрения), причем, как по общему правилу, установленному п. 1 ст. 174.1 ГК РФ, так и по правилам специальным, относящимся к сделкам хозяйственных обществ, является возможность ее оспорить, причем существующая для узкого круга лиц и при выполнении ряда условий. Следовательно, согласие (одобрение) на совершение сделки и сама сделка не образуют юридического состава.

Вместе с тем современное состояние теории юридически фактов не дает однозначного ответа на вопрос: чем в таком случае является согласие? И именно поэтому изложенный выше взгляд диссертанта не выходит за рамки существующих в цивилистике представлений, не вступает с ними в острый конфликт, а потому не может считаться ошибкой.

Как видится, задача определения значения и природы согласия на совершение сделки должна решаться с учетом того, что обществом и объективным правом признается возможность развития отношений в идеальном варианте и с отклонениями от него. Признание субъективных прав возникшими даже тогда, когда цепь фактов не полностью соответствует закону, – суровая необходимость, следствием которой является существование, например, сроков исковой давности и приобретательной давности.

Отсутствие согласия является юридическим фактом, позволяющим признать сделку недействительной, то есть включить работу механизма охранительного отношения по воле лица, чьи интересы нарушены. Именно поэтому рассматривать место согласия в цепи юридических фактов следует не с точки зрения его роли в регулятивных отношениях, а с позиции его функции для развития охранительного отношения. Не наличие согласия необходимо связывать с возникновением прав у контрагента по сделке, а его отсутствие – с возможностью прекращения общественного отношения по решению суда.

4. Названия некоторых структурных частей работы выходят за рамки традиции научного жанра диссертационного (монографического) исследования.

Название § 2 гл. 2 диссертации «О соотношении понятий "имущество" и "активы" в целях оценки сделки на крупность», как видится, несколько выходит за каноны, характерные для монографических исследований. При этом избранный автором подход был бы вполне уместен для названия серьёзной научной статьи, в которой бы разбирался соответствующий круг проблем.

В название § 1 гл. 2, посвященного общим положениям об институте крупных сделок, диссертант поместил дополнение (расшифровку) – «Критерии отграничения крупных сделок хозяйственных обществ от крупных сделок других юридических лиц». Само по себе рассмотрение особенностей подхода законодателя к крупным сделкам для разных категорий юридических лиц в параграфе об общих положениях, является корректным и обоснованным и, как видится, не требует дополнительных расшифровок в названии. Что касается «отграничения» явлений, полагаю, что соответствующий термин уместен там, где есть риск «смещения», например, вполне корректно говорить об отграничении предмета договора подряда от предмета договора об оказании услуг. Вряд ли риск «смещения» присущ сделкам, скажем, хозяйственных обществ и унитарных предприятий.

Несмотря на сказанное, материал, изложенный в названных структурных частях работы, выдерживает самую строгую оценку на предмет научной значимости. Кроме того, рубрикация автора, делает доступной для понимания структуру работы даже без ознакомления с ее внутренним содержанием, чем выгодно отличает исследование от тех трудов, в которых оглавление оставляет читателя в полном неведении относительно предлагаемого материала, несмотря на научность избранных формулировок.

5. Предложение безальтернативного нотариального порядка удостоверения решения об одобрении крупной сделки в случае его реализации затруднит гражданский оборот объектов, принадлежащих хозяйственным обществам, не обеспечив при этом достаточных гарантий защиты интересов участников названных юридических лиц и их контрагентов.

О решении собрания можно сказать, что оно стоит особняком в системе юридических фактов потому, что может влиять на права и обязанности тех лиц, которые выступали против его принятия, или не участвовали в голосовании вообще. Более того, идея следования воле большинства дает возможность поставить под сомнение само содержание решения, поскольку воля ряда лиц может быть искажена в документах, ее объективирующих.

Нередко участники собраний не могут договориться о том, кто будет составлять протокол и кто подписывать, какой степени подробности будут соответствующие документы, как будет проходить голосование и кто будет определять его результаты. Как правило акты гражданского законодательства регулируют соответствующие процедурные отношения очень поверхностно, оставляя детали на совести участников, полагаясь на их здравый смысл или принятые в организации локальные акты (внутренние документы).

Переключивать тяжесть оценки действий, происходящих в местах проведения собрания, на плечи нотариуса можно только в условиях относительно высокой правовой культуры общества, наличия устойчивых традиций ведения дел. Именно поэтому возложение на нотариусов функции удостоверения решения

собрания сегодня сосуществует с альтернативными способами его (решения) «легитимации».

Новой нормой п. 3 ст. 67.1 ГК РФ установлены правила, относящиеся к порядку принятия и оформления решений высшего органа хозяйственного общества. Принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются в отношении: (1) публичного акционерного общества лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров такого общества и выполняющим функции счетной комиссии; (2) непубличного акционерного общества путем нотариального удостоверения или удостоверения лицом, осуществляющим ведение реестра акционеров такого общества и выполняющим функции счетной комиссии; (3) общества с ограниченной ответственностью путем нотариального удостоверения, если иной способ (подписание протокола всеми участниками или частью участников; с использованием технических средств, позволяющих достоверно установить факт принятия решения; иным способом, не противоречащим закону) не предусмотрен уставом такого общества либо решением общего собрания участников общества, принятым участниками общества единогласно.

Уверен, что у правоприменителя возникнут сложности с толкованием данных норм на практике и определением последствий допущенных ошибок самими участниками, а также нотариусом или лицом, ведущим реестр акционеров. По этой причине считал и считаю, что оптимальным, с позиции необходимости точной фиксации воли участников собрания, является использование технических средств, прежде всего, – видеозаписи, даже когда на заседании присутствует нотариус.

В целом, несмотря на сказанное, можно оценить законодательную новеллу как позитивную, а предложение диссертанта – как строгое по отношению к участникам хозяйственных обществ и нотариусам, выполняющим, по сложившейся в России традиции, роль лиц, удостоверяющих факты очевидные, не требующие оценки сложной фактологии и комплексного применения норм частного права. Остается добавить, что нотариусы теперь будут вынуждены удостоверять решения заведомо сомнительные – в условиях подготовки собрания иными лицами, а значит, и неизвестности того, как реально осуществлено извещение участников.

Вышеуказанные замечания и спорные положения, не снижают положительной оценки подготовленного диссертационного исследования. В итоге изучение научно-квалификационной работы О. С. Филипповой позволяет сформулировать **следующие выводы:**

Диссертация содержит оригинальную авторскую концепцию крупных сделок, их одобрения и оспаривания, чем обеспечивается решение задачи, имеющей значение для развития юридической науки (гражданского права).

Представленная к защите на соискание учёной степени кандидата юридических наук диссертация является научно-квалификационной работой, обладающей внутренним единством, содержит необходимые признаки актуальности и научной новизны, характеризуется достаточной теоретической и практической значимостью.

Основные положения диссертации опубликованы (всего – **тридцать три** публикаций, в том числе **шесть** работ в журналах, рекомендованных ВАК РФ) и изложены в автореферате, текст автореферата соответствует содержанию и структуре диссертации. При этом по опубликованным работам видно, что диссертант занимается разработкой заявленной проблематики, по меньшей мере, с 2009 года.

Диссертация соответствует заявленной специальности 12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

В связи с изложенным следует сделать общее заключение, что диссертация «Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации» соответствует требованиям, предъявляемым к работам данного рода, в том числе п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Филиппова Олеся Сергеевна – заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03. – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Официальный оппонент доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», адрес места работы 680020 г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15; адрес места жительства 680020 г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15, комната 1А, общежитие; электронная почта vabold@mail.ru; телефон 89144154014

Болдырев Владимир Анатольевич

30 октября 2014 г.

Подпись Болдырева Владимира Анатольевича заверяю.

Начальник отдела кадров

федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

А. А. Егоров